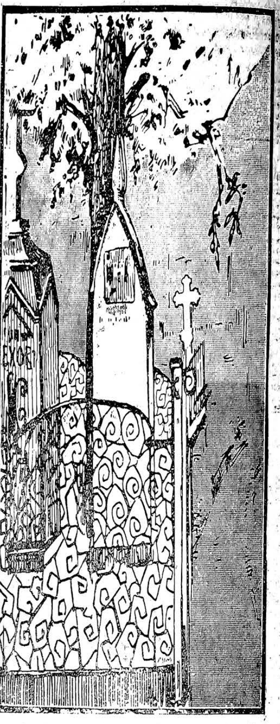
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 (19) ІЮЛЯ 1908 года № 7561

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 (19) ІЮЛЯ 1908 года № 7561

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.



Памятникъ А. П. Чехова

въ Москвѣ, на Новодѣвичьемъ кладбищѣ. Открытъ на дняхъ (рядомъ могила отца А. П.).

«Здѣсь умеръ Чеховъ».

(Къ 4-лѣтію кончины).

Я бродилъ въ это время пѣшкомъ по идиллическому Шварцвальду. И захотѣлось посмотрѣть на мѣсто, въ которомъ всего два мѣсяца назадъ умеръ Чеховъ. Захотѣлось увидѣть обстановку, въ которой онъ провелъ свои послѣдніе дни.

Въ тихомъ и скучномъ Фрейбургѣ, который такъ гордится своей сѣдой стариной, своимъ готическимъ соборомъ и своимъ университетомъ, основаннымъ чуть не тысячу лѣтъ назадъ, я оставался всего нѣсколько часовъ. Неудержимо тянуло посмотрѣть на Баденвайлеръ, который былъ такъ близко и описаніями котораго были полны въ то время русскія газеты.

Отъ Фрейбурга было всего какихъ-нибудь 30—40 километровъ, двѣ-три станціи до Мюльгейма. А оттуда нужно было ѣхать еще около часа маленькимъ, изящнымъ вагончикомъ узкоколейной дороги. Мы проѣзжаемъ хозяйственный, но грязноватый Нидервайлеръ, Обервайлеръ, смотримъ глазами праздныхъ и скучающихъ туристовъ на крестьянъ, которые копошатся у своихъ домиковъ, и поднимаемся все выше и выше. И когда приближаемся къ маленькой и довольно невзрачной станціи Баденвайлера, то открывается большой и красивый горизонтъ, съ широкимъ просторомъ прирейнскихъ мѣстностей и голубоватой дымкой далекихъ очертаній Вогезовъ.

Къ стыду своему я забываю, какъ называется отель, въ которомъ жилъ Чеховъ, и пытаюсь оріентироваться здѣсь же на мѣстѣ, на самой станціи. Но это не ведетъ ни къ чему: толстая буфетчица отсылаетъ меня къ багажному, багажный совѣтуетъ мнѣ обратиться къ кассиру. И всѣ говорятъ: «русскій писатель? Russischer Dichter? Tschechof? умеръ русскій писатель? Нѣтъ, этого мы не помнимъ. Здѣсь лѣтомъ, дѣйствительно, умеръ русскій, но это былъ русскій генералъ, или князь. И его очень роскошно хоронили. И пріѣзжалъ, кажется, изъ Бадена, russischer Priester, Pope. Но писатель?.. Нѣтъ, писателя мы не помнимъ». И когда я спрашивалъ, гдѣ бы можно было объ этомъ разузнать, то нѣмцы пожимали плечами и говорили мнѣ, что теперь уже сезонъ «vorüber», курортные гости разъѣхались, отели закрыты, и врядъ-ли я добьюсь чего-нибудь.

Но я рѣшилъ все-таки попытать счастья. Широкая дорога вела отъ станціи, поднимаясь все вверхъ, мимо всякихъ «Уединеній», «Отдохновеній», «Елизаветъ» и «Розалій», мимо виллъ, дачъ и Privatwohnungen, къ самому центру Баденвайлера, къ его курзалу, отелямъ, источникамъ и удивительному, роскошному парку.

Я вошелъ въ паркъ. Теперь въ немъ было совсѣмъ пустынно. И въ пожелтѣвшихъ тонахъ деревьевъ, въ общей картинѣ умирающей природы, въ самомъ воздухѣ чувствовалась грустная, унылая, но по своему безконечно-прекрасная осень. И вдругъ, — я не вѣрилъ самому себѣ, — русскій языкъ! Навстрѣчу мнѣ шла какая то особа женскаго пола, по виду не то гувернантка-воспитательница, не то просто старая дѣва. И рядомъ съ ней двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, лѣтъ 8—10. И особа на хорошемъ, сѣверномъ русскомъ языкѣ дисциплинировала молодежь своимъ безконечнымъ, неистощимымъ запасомъ замѣчаній, выговоровъ, совѣтовъ и распоряженій. «Митя, иди по дорожкѣ, перестань шалить, не трогай цвѣтовъ. Лена, поправь платье, не пачкай башмаковъ, оставь въ покоѣ Митю».

Я ухватился за особу, какъ за якорь спасенія. «Извините меня, пожалуйста. Можетъ быть вамъ извѣстно, въ какомъ мѣстѣ Баденвайлера провелъ послѣдніе дни своей жизни Чеховъ?» Но особа отозвалась полнымъ незнаніемъ. «Чеховъ, русскій писатель Чеховъ? Да я читала, что онъ умеръ, но мы здѣсь недавно, и скоро уѣзжаемъ. И я не знала, что онъ умеръ именно здѣсь». И опять: «Митя, Митя, куда ты убѣжалъ? Лена, не ходи по газону»...

Я направился къ курзалу. Здѣсь было большое уныніе. Цѣлая армія столиковъ, стульевъ, скамеекъ. И два-три случайныхъ, по ошибкѣ, или изъ любви къ осенней природѣ попавшихъ сюда посѣтителя. И тоже: Tschechof? Russischer Dichter Tschechof? Нѣтъ, такого не знаемъ, не слыхали». Положеніе было очень непріятное, досадное, и я съ тяжелымъ чувствомъ бродилъ безцѣльно по маленькой площади крошечнаго Баденвайлера, на которую смотрѣлъ своими античными колонками какой-то Bad. И здѣсь же изнывали отъ бездѣлья и лѣни, съ козелъ своихъ экипажей, безконечную политическую бесѣду два кучера. Я попробовалъ попытать счастья еще у нихъ. «Чеховъ, русскій писатель Чеховъ?» кучера вопросительно переглянулись. «А онъ не генералъ?» Опять этотъ генералъ! «Нѣтъ, не генералъ, не князь, а просто русскій писатель, который здѣсь жилъ въ послѣднее время и два мѣсяца назадъ умеръ». «Русскій писатель?» Одинъ изъ кучеровъ оживился. «Я знаю. Это было въ отелѣ Sommer. Пойдемте, я васъ туда провожу». «Можетъ быть, поѣдемъ?» «Нѣтъ, зачѣмъ ѣхать? Это всего въ двухъ шагахъ отсюда». И великодушный возница оставилъ свою, дремавшую на солнцѣ клячу на попеченіе товарища, и мы пошли какой-то совсѣмъ пустынной уличкой, съ магазинами, въ которыхъ совсѣмъ не было покупателей. И черезъ 2—3 минуты передъ нами было громадное зданіе отеля Зоммеръ. Оно тоже имѣло теперь какой-то унылый, пустынный видъ. Ставни оконъ были вездѣ закрыты, двери заколочены наглухо, балконы пусты. И не видно было совсѣмъ «гостей» и туристовъ, не слышно шума, веселой, полной свѣжихъ впечатлѣній толпы.

Я вошелъ во дворъ. Здѣсь увязывали, упаковывали, подсчитывали, складывали, спорили и суетились. Видно было, что сезонъ уже совсѣмъ «vorüber» и что отель пряталъ свои доспѣхи до будущей весны, до будущаго нападенія на кошельки туристовъ. Я подошелъ къ кому-то изъ работавшихъ и спросилъ, не могу ли я видѣть комнаты, въ которыхъ жилъ русскій писатель Чеховъ. Здѣсь уже его знали и сейчасъ-же направили меня къ хозяйкѣ, къ Frau Wirthin, отъ которой это зависитъ. Frau Wirthin, которая оказалась пожилой, бѣлокурой и худощавой нѣмкой, въ очкахъ, съ удивительно милымъ, добродушнымъ выраженіемъ лица, сейчасъ-же засуетилась, когда я сказалъ ей о своей просьбѣ. «Хотите посмотрѣть на помѣщеніе, въ которомъ онъ жилъ? Хорошо, я вамъ съ удовольствіемъ покажу. Это былъ такой человѣкъ, такой человѣкъ! Онъ жилъ у насъ недолго, но всѣ его очень любили. Всегда онъ былъ такой тихій, такой со всѣми ласковый. И такой грустный. И знаете, — у него была какая-то особенная, необыкновенная улыбка. Онъ какъ-будто весь свѣтился, — я не умѣю этого иначе передать... Хотите посмотрѣть, гдѣ онъ умеръ? Пойдемте».

Мы поднялись по широкой лѣстницѣ отеля, построеннаго по тому типу, который сдѣлался космополитическимъ для курортовъ всего міра. Хозяйка выбрала одинъ изъ ключей своей громадной связки, открыла дверь, и мы вошли.

— Вотъ здѣсь.

Не хотѣлось разспрашивать о подробностяхъ, не хотѣлось ничѣмъ нарушать тишины этой почти темной, отъ закрытыхъ ставенъ, комнаты. Здѣсь умеръ Чеховъ. Въ этомъ «номерѣ» гостиницы, на широкой, теперь прикрытой какимъ-то чехломъ кровати умеръ тотъ, кто такъ горячо призывалъ къ исканію правды, цѣли и смысла человѣческой жизни. Тотъ, кто писалъ, что «призваніе всякаго человѣка въ духовной дѣятельности, въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни... и разъ человѣкъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворить его могутъ только религія, науки и искусства».

Здѣсь кончилъ свою жизнь тотъ, кто говорилъ, что «мы — высшія существа, и если-бы въ самомъ дѣлѣ мы сознали всю силу человѣческаго генія и жили только для высшихъ цѣлей, то въ концѣ-концовъ мы стали бы, какъ боги». Въ этихъ стѣнахъ догоралъ огонь великаго таланта того, кто хотѣлъ, чтобы ярмо тяжкаго крестьянскаго труда раздѣлили и мы «всѣ безъ исключенія», чтобы люди «не проводили всю свою жизнь у печей, корыта и въ полѣ, но имѣли-бы также время подумать о душѣ, о Богѣ, могли-бы пошире проявить свои духовныя способности». И какія свѣтлыя перспективы онъ видѣлъ въ томъ, что «черезъ какіе-нибудь 25-30 л. работать будетъ каждый человѣкъ». И «всѣ мы сообща отдаемъ досугъ наукамъ и искусствамъ. Какъ иногда мужики міромъ починяютъ дорогу, такъ и всѣ мы сообща, міромъ, искали бы правды и смысла жизни, и — я увѣренъ въ этомъ — правда была бы открыта очень скоро, человѣкъ избавился бы отъ этого постояннаго, мучительнаго, угнетающаго страха смерти и даже отъ самой смерти»... Вспоминались невольно чеховскіе свѣтлые, хорошіе, чистые образы, вспоминались его чистыя, хорошія, гуманныя идеи.

Я молча, съ тяжелымъ, гнетущимъ впечатлѣніемъ вышелъ изъ этой комнаты смерти и сталъ спускаться по лѣстницѣ. А добродушная Frau Wirthin продолжала безконечно свое: «ахъ, какой это былъ рѣдкій, превосходный человѣкъ, какой g'scheideter Mann!» И когда я хотѣлъ поблагодарить ее за любезность и проститься, она остановила меня. «Нѣтъ, подождите. Я вамъ еще покажу его любимое мѣсто». Мы вышли въ небольшой садикъ отеля. Здѣсь на маленькой открытой лужайкѣ Чеховъ просиживалъ, въ послѣдніе дни своей жизни, цѣлыми часами и все смотрѣлъ вдаль, на широкія прирейнскія равнины. Кто знаетъ, что напоминалъ ему этотъ широкій горизонтъ, этотъ почти степной пейзажъ. Можетъ быть, далекую, дорогую родину, которую, — онъ это хорошо зналъ, — онъ никогда больше не увидитъ. Можетъ быть, тѣ тоже далекіе дни дѣтства, когда онъ еще мальчикомъ, Егорушкой изъ «Степи», ѣхалъ въ городъ за книжной, гимназической премудростью и въ застывшемъ отъ жары воздухѣ видѣлъ «равнину, холмы, небо, лиловую даль» и когда вдругъ понеслась по степному простору «пѣсня тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачъ». Кто знаетъ? Кто постигнетъ когда-нибудь эту страшную психологію человѣка, который чувствуетъ, сознаетъ, что съ жизнью все кончено, что смерть приближается спокойными, увѣренными шагами и нельзя никуда уйти отъ ея объятій?...

Я простился съ гостепріимной Frau, которая никакъ не могла удержать потока своего словоизверженія и собиралась разсказать мнѣ еще очень много интереснаго о томъ, какъ любилъ Чеховъ природу, а «Madame не особенно, и все въ Фрейбургъ уѣзжала». Но мнѣ хотѣлось остаться подъ своимъ замкнутымъ, личнымъ субъективнымъ впечатлѣніемъ.

Еще полчаса, и опять маленькая станція Баденвайлера. Опять вагончикъ трамвая, старый, сѣдой и скучный Фрейбургъ. И опять идиллическій, мирный Шварцвальдъ, котомка за плечами и бродячая, кочевая жизнь туриста. Новыя мѣста, новыя лица, новыя впечатлѣнія.

А. Цѣновскій.